

Времена

Сегодня - 1995 - 22 июля - с. 6

Марлен Кораллов

В есною «Известия» сообщили о гастролях «Современника» в Израиле. Две знаменитости исполнили роль Евгения Гинзбург в постановленном Галиной Волчек легендарном уже спектакле «Крутой маршрут». По вечерам играла Марина Неелова, днем — Елена Яковлева. Успех был значительный, гастроль решили продолжить...

В том же номере журналистка Елена Яковлева, автор очерка «Суд и дело Сергея Белановского», разбив очерк на главы и назвав первую «Крутой маршрут», сообщила, что поворотной точкой в судьбе Сергея стал день, когда в руки ему, студенту-химику, попала самиздатовская переписка рукописи Лидии Гинзбург... Именно так: Лидии Гинзбург.

Всякого рода «очепятки» нынче стали нормой, как аварии под землей, в небесах, в море. И все-таки: «очепятки» в номере от 5 апреля вполне доказывают, что «Крутой маршрут» не забыт. Одноименный спектакль тотому и сохранился в репертуаре, что вызывает интерес повсюду, куда театр выезжал с ним на гастроли.

Прошло полгода, как миновали короткие и «круто» юбилейные дни: 19 декабря родился Леонид Брежнев, 20-го — Евгения Гинзбург, вслед за ним — Иосиф Сталин, Генрих Бельз... В 1994 году Е. Г. исполнилось бы девяносто. Ровно.

Посадить бы новорожденных за праздничный стол, скажем, в «Мемориале» (бульварники с колбаской и прочее). Да устроит неспешное — денек-то самый короткий, а ночь самая длинная — толкующие о некоторых итогах века.

Прошу, господа, наполнить бокалы. Первый тост — за здоровье Прекрасной Дамы.

21 декабря в подвалчик «Мемориала» хотелось созвать многих. Прежде всего бывших коллегам. Но — лед на тротуарах, темень на улицах, где засветло молодым, здоровым ходить опасно. Вести из Чечни. С легким сердцем едва ли поспрашиваешь, когда за плечами груз уходящего столетия. Когда трезво осознаешь: «Крутой маршрут» продолжаетсья. Впереди снова крутой поворот.

Спасибо всем, кто пришел. Кто дозвонился издалека. Кто сказал в тот вечер добрые слова. Лидии Толмачевой из «Современника», Евгению Попову, писателю. Э. Кузьмину, редактору «Крутого маршрута», изданного «Книгой»... И другим выступавшим, чьи слова ничуть не устареют.

33 года назад, на одной из посадок вчерашних эзков, договариваясь при расставании о времени очередного визита, я заметил: «На следующей неделе не получится. Лечу во Львов». И тут же от «Колымы» получил наказ — заглянуть к Жене.

На первых порах Е. Г. отнесла меня к поколению ее сына Васи Аксенова, чья повесть «Коллеги» тогда имела успех (инсценировка ее шла во Львове). Однако мой отзыв о повести насторожил: отчего я говорю «о них», «коллегам»? Поколение-то, простите, ваше, значит, «мы»?

— Вовсе нет. Я ближе к отцам, чем к детям. Для меня «коллеги» — они. Почти символический знак «37», сломавший судьбу моего отца, затем — матери, а на исходе сороковых и мою, в беседе с Евгенией Семеновной расшифровки не требовал. Разве что мгновения тишины. Удивило Е. С., что по анкете и я из поколения сидельцев. Внешний облик свидетельствовал о безмятежном благополучии.

— Статья, срок? — спросила Е. С., входя в роль... Когда я отбаранил «гражданину начальнику», как положено — 58-10-11-8/19, срок 25, и выяснилось, что вместе с Е. С. я из полка, верней, из корпуса террористов, нужды в подробности опять не возникло.

Суетливая это работа — делить человечество на расы, национальности, по статьям и срокам. Давно убежден, что существуют лишь две породы. Одна, получив папку, предпочитает умять ее сразу. Не обязательно от голодухи. Скорее ради воли: чтоб не сохли мозги, на сколько кусков делить, да куда от себя и врагов запрягать, да когда и как дождаться той счастливой минуты... Другая порода склонна делить, беречь, держать себя на цепи, чтобы когда-нибудь, слотнув слону и последнюю крошку, достиг блаженства.

Оказывает, и Е. С., и предпочитали «сразу». Пускай оно добровольное, это рабство — дрожь над коркой хлеба и куском сахара, но ведь рабство. Значит, не по натуре.

Нечем тратить пуд соли, чтобы узнать, кто с тобой рядом. Тюремный инстинкт подсказывает гораздо точнее, чем сплет-

ни, — подошел «свой» или «чужой». Если же нет веры в себя и в собственное чутье, то грош тебе тебе, знатку. Никакие выкладки и досье не помогут. Вроде бы чашки чая не успел допить на улице Шевченко, а «жидомасонская» близость уже возникла. Сколько сил тратило ЧК и ЦК, чтобы втащить нас в касту неприкасаемых. Оказалось же, что мы, уделевшие, перебрались тихой сапой в касту посвященных.

Чтобы Евгения Гинзбург совершила переезд в Москву, в кооперативный писательский дом у метро «Аэропорт», в однокомнатную квартиру на первом этаже, понадобилось пятилетие. Бог наградил Е. С. редкостным даром общения. Квартирка стала магнитом, который притягивал десятки, если не сотни, людей. Готов прикинуть, считая на пальцах, велик ли «постоянный контингент». Сын, живущий рядом, внук Алеша. Падчерица Майя. Одним словом, родичи — раз. Затем — друзья молодости, воссравившие из доверствия, еще казанских лет — два. Колычане — три. Кстате сказать, кооперативный дом, оплаченный северно-лыготными окладами бывших эзков, успешных поработав в Магалаанских краях в качестве вольных, вырос тоже поблизости, на улице Усиевича. Нарочно не придумаешь: дружно объединились родной лагпункт и писательское гетто. Появлялись на горизонте и гвардии «старбюль»: старые, иногда очень старые большевики.

Речь не идет сейчас о духовном родстве пламенно-твердохоманных и автора «Крутого маршрута». От споров Е. С. по мере возможности уклонялась. Но кроме единства и различия позиций для нее существовало единство судьбы.

Дар общения предполагает мастерство капитана, выучку рулевого: магнит-каюта подобна кораблю, ею надо управлять. На палубе собираются пассажиры с разными воззрениями, очень разным прошлым. Порою плохо совместимые друг с другом. Дни рождения Е. С. отмечала поэтом два, иногда три вечера подряд, чтобы карта ложилась, как задуман пасьянс. Какое же место занимала в нем моя, допустим, девятка? Шестеркой я не был никогда и нигде.

Предельнокой отношений стала общность лагерной судьбы. Но не больше, чем предельнокой. Важней, что по натуре, по складу Е. С. и — прошу извинить за знак равенства — ваш покорный слуга относился к разряду читателей. Подчеркиваю: не писателей, а читателей.

Со второй половины 60-х количество нелегально-запретной (или мятеж — неразрешенной) литературы, приходящейся на квадратный метр писательской жилплощади в районе метро «Аэропорт», было в десятки раз выше, чем в среднем по Союзу. В квартиру Е. С. ружейки стекались отовсюду. Однако пить из замутненных не хотелось. Е. С. была идеальным участником книгообмена. Педантичная, она сразу отстранялась от трепачей, нарушавших обязательства. А собственные выполняла неукоснительно. Староинтеллигентская добротпорядочность образовала в ее душе слав с искусственностью старого эзка. Совершенно особую привлекательность Е. С. обретала по той причине, что наш книгообмен всегда был вступлением к разговору о прочитанном.

Однажды вечером, перед уходом, раскрыл я набитый чтивом кейс, чтобы уграбовать содержимое. Е. С., бросив взгляд на «Правду», вздохнула: — Веселого от голубушки не дождался.

— Отчего же, Е. С.? Взгляните на первую полосу. Сплошной мажор. Урожай нынче хороший. — Какая разница, хороший или плохой? — возразила Е. С. Начинать спор у двери я не собирался. И все-таки: — Как не быть разнице? Рабешюшка голодуху от сытости отлучает. И я отличаю.

Задешую меня реплику продикувал горький опыт. Он учил, что мало вырастить добрый урожай. Его надо толком собрать. Но когда собирают, не хватает машин, чтобы вывезти на элеватор. А если вдруг хватает, то не достает запчастей. Или бензина. Если же и горючего, и водителей сколько угодно, то урожай гребят на поле или в дороге.

Что толковать, беспросветный скепсис неспростелен. Слабым он убивает. Но Е. С. к слабым не относилась. Ее стоический фатализм, забетонированный ГУЛАГом, скепсису не поддавался. Сегодня, в 1995-м, оглядываясь на достижения провозглашавшихся за истекшие четверть века Аграрно-промышленных реформ и Продовольственных программ, вновь убеждаюсь, что Е. С. обнаруживала никак не меньше трезвости, чем проявила с тех пор наши виднейшие политики и мудрейшие ученые (в перечне имен, полагаю, необходимости нет).

На чем же держался ее стоицизм, коль скоро экономика как «базис» иллюзий у Е. С. не рож-

дала? Выдерживая марксистский стиль, готов утверждать категорически: сохранялась вера в «настройку». Не в бытие, а в сознание. В сущности, «Крутой маршрут» — это книга о том, как сознание вступило в схватку с бытием. Как «продукт эпохи» — личность — победила в этой схватке эпоху. Взгля верх над обстоятельствами.

Кто помнит нынче о Евгении Гинзбург — рецензенте и очеркисте? Эта грань наследия Е. С. как бы в полумраке. В подполье. Между тем нет резонов оставлять заметки и очерки Е. С. засекреченными от новых поколений. Еще в двадцатых годах начинающий методист Евгения Гинзбург печатала в Казани статьи о преподавании истории в школах Франции и Германии. Об уроках, посвященных современной деревне. О печати дворянской культуры на обложке столицы Татари...

В тридцатых годах университетский педагог и молодая журналистка, жена казанского мэра Павла Васильевича Аксенова регулярно публиковалась в партийно-республиканской прессе. Не могу представить себе, чтобы Е. С. позволяла себе дерзкое вольтерьянство. Но совершенно уверен, что на тогдашнем фоне эти статьи отличались и здравым смыслом и одаренностью. Может быть, и скрытой тревогой. Напомним, что 1 декабря 1934 года — день убийства Кирова. Даже очень желая, казанская гос-парт-элита не в силах была отключиться от последствий «великого перелома», от нарастающей борьбы с «опозицией» и «врагами народа». Тревожно-трагические предчувствия подтвердились в день ареста — 15 февраля 1937 года.

Думаю, психологически очень интересны заметки, которые Е. С. отважалась принести в колымскую газету, как только получила «вольную». Едва ли кто-нибудь из молодых оценит нынче по заслугам этот полвин вольнодумства. Из отбывших тюремно-лагерный срок Е. С. была первой на Колыме, кто попытался переступить запретный порог. Она сумела порвать колючую проволоку, которой власть опутывала и тело, и душу эзков.

Во Львове Е. С. тоже приобщилась к местной прессе. Получила удостоверение внештатного корреспондента. Между прочим — точка опоры. Соломинка легальности. Весьма вероятно, что Е. С. печатала во Львове не одни лишь шельеры. Выб-

равшая свою независимость как святыню, Е. С. отвергла подлочки с любой стороны. Шепетильность ее доходила до смешного. И поэтому оскорбительный, в сущности, но дозволяемый снимат по зинам дачную комнату в Переделкинском, весною и осенью отправляться на паро-

Братям и сестрам по судьбе, собравшим по жанру историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Жесткостью обличения, которой измеряется обычно глубина лагерного реализма, Шаламов угрюмо, почти с брезгливостью отбрасывает, по его убеждению, романтически-сентиментальные, подслащенные истины, столь дорогие сердцу Евгения Гинзбург. Он обвиняет и русскую классику XIX столетия, вносящую, как он уверял, преступно-значительный вклад в бун-

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

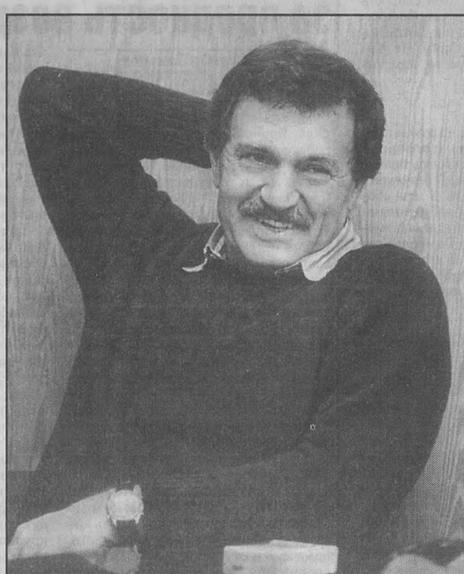
тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

тующую историю диктовала продвижение вперед, за тот рубеж, которого достигла Евгения Гинзбург. Вроде бы так и случилось. Одолев космическую дистанцию, мощные таланты внесли в раскрытие народной трагедии вклад истинно всемирного значения. Достаточно назвать Варлама Шаламова, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Декабрь и далее всегда. Евгения Гинзбург

Марлен Михайлович Кораллов — бывший политзаключенный, известный публицист, литературный критик, один из руководителей общества «Мемориал».

ходе по Волге. Никакой роскоши Е. С. себе не позволяла, а возлуж был необходимостью.

Странная у нас все-таки жизнь. По выкладкам знатоков, на протяжении XIX и XX столетий ни одна рукопись не раскопалась в русском самиздате так широко и стремительно, как «Крутой маршрут». Для поколения, огульного «культу личности» и не меньше — ниспровержения Идола, мемуары Е. С. стали открытием. И дело не только в новизне материала. Она условна: на Западе появлялись книги о наших лагерях еще в двадцатых. Дело не только в остроте, с какой общество воспринимало на рубеже шестидесятых лагерную прозу. «Крутой маршрут» стал художественным открытием.

За годы, истекшие с конца хрусчевских времен, уже здесь, на родной земле, вышли десятки повествований об арестантской Зоне. Им полагалось бы отодвинуть «Крутой маршрут» в сторону.

тарское обилье народа, но, значит, и в сотворение Колымы. Шаламов сбрасывает с многогрального эзка не «покровы» — подобно классикам — а вонючие и вшивые лохмотья. Чтобы затем содрать кожу. До костей. От рассказа к рассказу, без перерывов, Шаламов катит свою тачку, доказывая, что человек в рабстве собственной плоти, в плену и тьме обстоятельность. Что он обречен влачить непосильную ношу, сбиваясь под их властью. Что не дано ему выбраться из бездны. Порождение зла, он пребует на дне ее.

Несмотря на все пережитое, Евгения Гинзбург внушает веру, что забытый, бесцельно униженный, паливший человек все-таки дитя добра и света. Что он выше скотских обстоятельств. Вековой философский спор. Открытой «Фауст» Гете. Никогда не предельный автор «Крутого маршрута» упрека русской интеллигенции или русской классике. Каждый год Е. С. перечитывала Достоевского. Находила в его христианских идеалах опору и почву. Ос-

Воспоминания отличаются сочностью национальной палитры. По «маршруту» прохлодит, плетутся, ползут, гибнут на нем русские и немцы, татары и евреи, украинцы и французы — интернационал. Казанский преподаватель истории большевизма чуток к политическим расхождениям эзков, среди которых и эсеры старой закалки, и ортодоксы из новых партийцев, и обыватели, на удивление свободные от всякого интереса к политике. На «маршруте» встретишь и овечек только что с воли, наивных, легких-зеленых, и давно заматеревших волков, для которых только за проволокой и существует реальная жизнь.

Как социальный мыслитель, медик, историк, психолог, как наблюдатель с пристальным вниманием к деталям, обладающий к тому же феноменальной памятью, автор «Крутого маршрута» выдерживает сопоставление с любым из взывшихся за перо и заново проживших тюрьму, высоко титулованных его бытписателей — с Чабуа Амираджиби, Олегом Волковым, Юрием Домбровским, Львом Разгоном... Дальше — по алфавиту.

В отличие от Евгения Гинзбург создатель грандиозного «опыта художественного исследования» отменяет в «Архипелаге» многое, что становится помехой на пути. Устремившийся к намеченной цели, он нередко спрямляет путь. Чересчур подлавляет страсти, ослабляя в угоду ей контроль разума, подгоняет факты под схему. Верный не столько христианской, сколько усвоенной традиции, нередко накладывает лишь две краски — черную и белую. Черная уходит на портреты Маркса и марксистов любого ранга и профиля. Белая идет на образ России дооктябрьской, современной искусствителями.

Да, конечно, без иступления страсти не родился бы «Архипелаг ГУЛАГ». Не совершался бы исторический расчет с эпохой, расчет с идеологией, в которых именно черной-белый метод укоренился и столетие давал всходы. Надо ли вновь полчеркнуть, что «Крутой маршрут» тоже написан не комсомолкой двадцатых годов, а христианкой? И представляет собой расчет с догмами коммунизма, покаяние. Но покаяние христианки, предпочитающей быть свидетелем обвинения, а не членом Военного трибунала.

В отличие от Евгения Гинзбург, автор «Архипелага» на суде истории претендует на роль прокурора, если не Высшего судьи. Подчеркивать это в истинном смысле бедственно, но идейный уезд воспоминаний — главу «Меа silra» — почему-то не замечают. Или скорее не хотят замечать, причем читатель весьма опытный и зачастую совсем не схожих воззрений.

бурт, автор «Архипелага» на суде истории претендует на роль прокурора, если не Высшего судьи. Подчеркивать это в истинном смысле бедственно, но идейный уезд воспоминаний — главу «Меа silra» — почему-то не замечают. Или скорее не хотят замечать, причем читатель весьма опытный и зачастую совсем не схожих воззрений.

К примеру, ролившийся в 1924-м и нареченный Владимиром, а потом служивший при Сталине в охране Кремля (значит, ни в какой ереси не замеченный) и, когда поручила партия, клеймивший Бориса Пастернака Солухин нынче клеит Евгению Гинзбург за имя Октябрь. Клеймит Надежду Мандельштам за участие в революции. Мать Юрия Трифонова — за службу в ЧОНе (настях особого назначения). Одноклассник Трифонова по Литинституту, не раз и мне лично выражавший почтение Сталину лауреату — понятное, при его жизни — мог бы, однако, легко узнать о знакомых, что беспартийная, но не расстрелянная, как муж, а отсидевшая в лагерях мать Юрия Трифонова в ЧОНе никогда не служила. И Надежда Мандельштам в революции не участвовала. И дочка интеллигентного тихого фармацевта, ученица частной гимназии, которую в детстве учили языкам и музыке, Евгения Гинзбург повинна в итогах Октября едва ли больше, чем Владимир Солухин.

Нас жлет обострение споров о прошлом. Оно народит охотников настаивать на расхождениях между «Крутым маршрутом», «Архипелагом», «Колымскими рассказами».

В самом деле различия в национальных корнях, в условиях детства и укладе семейном, воспитании религиозном или атеистическом кандидатов на Колыму и в лагерь казахстанских так же очевидны, как расстояние между Вологодой, Казанью, Ростовом-на-Дону. Но Шаламова, Солженицына и Евгения Гинзбург при всем несходстве их анкет и послужных списков навсегда скреплет друг с другом духовное родство поколения, вскормленного послеоктябрьской эпохой. Навсегда скрепляет мощь творческого, гражданского подвига, совершенного на послерестном этапе жизни.

Долгожданном покое и воле, диктующим забвение прошлого или истое прощание с ним, три Мастера, дозревших в затенке, предпочли расчет с ним, непрелюбимый по накладным расходам и безусловно дорогостоящий.

Под занавес судьба преподнесла царский полдарок: поездку с сыном в Париж. Нищу, встречу с Шагалом, банкеты в честь автора «Крутого маршрута», на которых тост за тостом произносили известнейшие писатели. Знаючки уверяют, однако, что за мгновение счастья приходится дорого платить.

Рак груди, метастазы, не шадящие как безарных, так и талантливых. Боткинская больница, лекарства, врачи, упрямото фаталистиче, не желающей считаться с реальностью. Самоотверженный и заботливый сын, многочисленные, но столь же беспомощные друзья.

Заметки о путешествии «От Колымы до Сеня», набросок которых рождался зимой в Переделкино на даче, принадлежавшей когда-то Серафимовичу, так и остался незавершенным. Открылок из них напечатала «Литгазета» к девятидесятилетию, в декабре. Проницатель отрывок высокоотитного коллеги: отрывок написан не проповедником и политиком, не историком, сверхзабоченным, как донести открытую им истину, скажем, о «новых левых», о бунтарях 1968 года до несмысленнейшей, а красивой некогда женщины, впервые, до боли остро и поэдно, ощутившей на Елисейских полях, у фантастических витрин, в известном лишь по искусству и с чужих слов Париже, что молодость дана была вовсе не для торьмы. Что жизнь могла идти по совсем иным маршрутам.

Ей-ей, лобопитно, как в подвале «Мемориала» прошла бы декабрьская встреча Прекрасной Дамы с очень по-разному, но так близко знакомыми ей Генрихом Бёлем, Леонид